

ХИРУРГИЯ СУДЬБЫ

1

«Способность направлять развитие своего сна, изменять его. Снится, скажем, что уронил, ищешь на земле уже не помнишь точно, что, какой-то мелкий ключ. Вроде бы видел, куда он упал, но, как всегда бывает во сне, не можешь его найти. Безнадёжно исчез среди окурков, мусорной травы, подсолнечной лузги. Не просыпаясь, так себе и говоришь: как во сне, и с досадой думаешь: но почему же во сне обязательно не находить? Ведь в твоей власти найти – и вот же он, заставляешь его проявиться под взглядом».

Максим набирал эти строки на своем планшете, сидя у окна в электричке. Вагон покачивало. Сосед слева то и дело задремывал и тогда приваливался к нему плечом. Девушка напротив что-то перебирала пальцем на мобильнике, потом закрыла крышку, глаза тоже. Сидения были мягкие, ритм колес убаюкивал. За окном чередовались обветшавшие дачные постройки, прихотливые коттеджи новых богачей, хилые перелески, городские многоэтажки, ряды самодельных гаражей.

«Люди творческих занятий лучше других знают, как на грани сна и пробуждения вдруг словно сама собой мелькнет догадка, мысль, которую пытался и все не мог проявить. Хорошо, если, проснувшись, сумеешь ее удержать. А то ведь все никак не вернуться туда же... не вернуть...»

Не получается, устало признал Максим, прикрывая планшет. Местность за окном становилась неузнаваемой, давно он не ездил по этой дороге. Пути, видно, были расширены, ближний ряд домишек

снесен, оставшиеся жались вплотную к рельсам, почернелые, многие окна заколочены досками, но за распахнутыми воротами во дворах кое-где сушилось белье остававшихся здесь обитателей, стариковские серые кальсоны, голубые старушечьи рейтузы. Скользили мимо приземистые линии складских построек, победительно сияла над ними реклама Макдоналдса. Пошла длинная бетонная стена, пробы декоративных граффити, четкие графаретные отпечатки, надписи спреем среди картинок. «Жизнь отымела смысл», – философствовал кто-то. «Жди. Надейся. Терпи», – откликнулся другой. «Русь, пробудись!» – читал на ходу Максим... так и не досмотрев?... – смещалось в сонном мозгу. Он возвращался с дачи, где искал для жены что-то среди бумаг, далеко за полночь перебирал навал пыльных, увезенных сюда когда-то книг, старых папок еще с тесемочными завязками... не доспал...

Вагон внезапно дернуло, что-то заставило поезд резко затормозить, Максима прижало к спинке сидения. Крупные буквы за окном замедлялись, остановились совсем.

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ? ЗАЧЕМ?
ХОЧЕШЬ ВСПОМНИТЬ? ИЛИ ЗАБЫТЬ?
ДУМАЙ!

Хочешь, не хочешь... вспоминай, раз не сумел досмотреть...

2

– Иди сюда! – голос жены звал из соседней комнаты, – посмотри, послушай!

Не без труда удалось подняться. Ада сидела перед телевизором, держа ладони у щек. На экране похожий на японца человек в медицинском халате что-то говорил, показывая хирургическим скальпелем на ладонь сидевшего перед ним пациента. «...успешно осуществил идею, которую подсказал ему доктор Кейн»... – успел Максим уловить завершающий обрывок. Изображение ушло в сторону, музыка рекламной заставки заменила его сияющим автомобилем. Ада не сводила взгляд с экрана, ладони у щек, словно все еще дожидалась продолжения или повтора.

– Даже в этом сумел обмануть – качнула она головой, наконец, расслабившись. – О нем говорят, как будто он живой.

2

– Кто он? Японец?

– Какой японец? Его здесь назвали доктор Кейн, он когда-то подписывался таким псевдонимом. По-немецки значит, кажется, «никто», что-то в этом роде. Передавали, что он погиб в автокатастрофе... Да ты ведь не слышал, я поздно позвала.

Не понять было, чем она так задета. Пришлось дожидаться, пока Ада, наконец, выключит телевизор, начнет рассказывать. Получалось вначале сбивчиво, выстраиваться что-то стало потом в уме.

Этот японец, пластический хирург, рассказывал, что может менять судьбоносные линии на ладони, удлинить линию жизни, углубить линию успеха, линию любви, какие там еще есть. Достаточно умело надрезать, где надо, пациенты потом приходили благодарить. Стали себя уверенней чувствовать, у кого-то наладилась карьера, бизнес, у кого-то семейная жизнь. Напрягло Аду почему-то упоминание об ожившем докторе.

– Потому что это он! Он. Я от него эту идею слышала еще лет двадцать назад. Да ты ведь тогда сам о нем написал, обменялся с ним письмами через журнал. Неужели не помнишь? Мы благодаря этому с тобой познакомились...

Доктор Кейн... да, конечно же... двадцать лет... как сразу не соединилось?.. Письма, журнал...

ХОЧЕШЬ ВСПОМНИТЬ ИЛИ ЗАБЫТЬ? ДУМАЙ!

3

Психолог по образованию, литератором Максим себя не считал. Так сложилось, что один из его бывших студентов Миша Хонкин затеял популярный журнал, тогда еще бумажный, и предложил недавнему преподавателю написать на тему, которую тот облюбовал еще в аспирантуре: психология обмана и самообмана, массовых иллюзий, коллективных заблуждений, саморазмножение шарлатанов. Двадцать лет назад. Люди постарше помнят, сколько их развелось со времен перестройки, особенно вокруг медицины. Они проводили сеансы по телевидению, заменяли хирургический наркоз внушением с экрана, заряжали целебной энергией воду, кремы, книжки – что угодно. За номером заряженной газеты у киосков толпились очереди, его перепро-

давали втридорога, счастливые обладатели, разорвав на клочки, разжевывали и съедали бумагу. Объявляли о себе экзотические религии, самозванные академии, толковали про какую-то биоэнергетическую информатику, про бактерии, заставляющие человека поверить в сверхъестественные явления.

Максим сумел написать об этом с язвительным юмором, его фельетон имел успех. Номер журнала бойко раскупался, пришлось допечатать тираж. Хонкин был доволен, неплохо по тем временам заплатил, предложил Максиму сотрудничать дальше, придумал для него псевдоним Мозговой, электронное издание журнала собирался назвать Pravda.net. Максим тогда к интернету лишь начинал приспособляться, понемногу привыкал к компьютеру, ксероксу, осваивал электронную почту. Сюжетов с каждым днем прибывало. Заново обсуждалась, например, идея воскрешения отцов, не духовного, самого что ни на есть материального, плотского. Чтобы восстанавливать прах покойников, надо было создавать специальные лаборатории, автор описывал их в деталях. Тех, кто не признавал возможность реального воскрешения, поносил всячески. Пугал: если не будем воскрешать мертвых, они станут мстить физически, заражать нас. Могилы требовал размещать в городском центре как объект поклонения – Максим не мог не вспомнить ленинский Мавзолей, примерял, как по этой теме пройтись. Такое вроде бы уже позволялось.

Но когда он пришел с этой идеей к Хонкину, тот даже обсуждать ее не стал. Не время было задевать ничего, связанного с религией. К тому же у журнала возникли свои, неожиданные проблемы. Кому-то из общества «Память» в оформлении обложки привиделись сионистские символы... да, «Память»... тоже давненько не вспоминалась. Забываться стало само время, когда магазины совсем опустели, не то что мяса – не было соли, мыла, зубной пасты, и все множились тревожные слухи. В почтовых ящиках появлялись листовки с угрозой погрома. А потом та же «Память» вдруг заявила, что погрома не будет. Совершались перемены в верхах, редакторам приходилось гадать, что можно печатать, что нельзя.

Вот тогда очень кстати подоспела публикация то ли хирурга, то ли хироманта о возможности поправлять судьбоносные линии на ладонях пациентов. Можно было с удовольствием пройтись по еще одному относительно безобидному шарлатанству, а заодно вскользь, без нажима помянуть и воскрешение мертвецов. Советские времена

приучили обходить цензуру. Вряд ли стоило напоминать про всем известный эффект плацебо: дают тебе проглотить пилюлю, говорят, что это сильное лекарство; на самом деле пустышка, но если в нее по-настоящему поверить – нередко помогает.

4

Откликов, по словам Хонкина, и на этот раз было много, самых разнородных. Кто-то благодарил журнал за щелчок по новому мракобесию, отвечали оскорбленные не столько публикацией, сколько словами о мракобесии. Неожиданным для Максима оказался пришедший в редакцию ответ самого шарлатана: он автора фельетона благодарил за рекламу. Без вашего талантливоего разоблачения я не мог рассчитывать на такой интерес к своей скромной персоне. Нельзя было не почувствовать в этих словах иронию, до Максима уже дошло, что скандал по тем временам действительно становился рекламой, которой новоявленный хиромант воспользовался, чтобы изложить целый комплекс идей.

Вы сделали тему брендом, это уже успех, – писал он. Но главное, дали мне повод высказаться и тем помогли самому что-то заново для себя сформулировать. И продолжал:

Утверждать, что существует только одна, научная правда – значит не вполне представлять себе диапазон реальных измерений, где не все пока доступно ученым. Раскрашенный африканский колдун в рубцах загадочной татуировки велит соплеменнику умереть сегодня же вечером – достаточно слов, еще, может быть, взгляда, бедняга угасает на глазах, без всяких ядов. Свидетель, европейский путешественник, подтверждал изумленно, на него колдовство не действовало. Можно это назвать пережитком древних верований. Но то, что мы называем мифологией, а лучше магией, воспроизводится сейчас на разных уровнях каждый день. Не нужна никакая химия, никакие высокоумные технологии, целая армия профессионалов и добровольцев заменяет устарелую мифологию более действенной, убедительной, утлая тягу обывателя к сверхъестественному и не боясь ученых разоблачений. Без такого ежедневного обмана, если угодно, внушения, именуемого пропагандой, в наше время невозможен успех ни в одной серьезной области. Посмотрите на успешных политиков, на телевизион-

ных говорунов без ряс или в рясах, когда они начинают толковать о духовных ценностях – вот кто уловил, где перспективный бизнес...

Что-то в таком духе (говорилось ли тогда «бренд?»). Спустя столько лет вспоминалось уже неотчетливо. Предлагалось признать, что большинству людей попросту не нужна правда. Про женщин, которые в любви только и хотят, чтобы их обманывали. Про мужчин, которым без этого не обойтись. (Любовные обещания, серенады, уклончивые подступы – способ добиться цели, в общем-то, голенькой.) И еще один сюжет про африканского колдуна. У вождя племени возникли проблемы с наследником, все не рождался у жен нужный сын, пришлось колдуну применить к одной свою магию...

За точность пересказа Максим сейчас бы не поручился, но ясно помнились, как на этом месте он не удержался от ухмылки. Миф про магическое зачатие имелся и у христиан, впору было процитировать пушкинскую «Гавриилиаду». Хватило чувства юмора, чтобы вместо этого наплести что-то о политических мифологиях, которые нам довелось испробовать на себе, о фантазиях бесплодных соблазнительей, обещавших создать идеальное общество. (Рискованно, помнится, закрутил, но ведь Хонкин все напечатал). Что там было еще? Что-то, кажется, о творчестве, основанном на фантазии, позволяющем совместить рационально объяснимое и невероятное.

«Не забывая, однако, что реальные дети бывают все-таки не от этого», в заключение добавил Максим. Вот в точности этой последней своей фразы он мог не сомневаться. Потому что благодаря ей и возникла в его жизни Ада.

5

Хонкин рассказал, что по поводу этой публикации ему позволила какая-то женщина. Попросила связать ее с одним из авторов.

– Показалось, немного ненормальная. Она даже фамилии твоей не запомнила. Сказала: это который у вас написал, от чего детей не бывает. Спрашивала твой телефон, адрес, я ей, конечно, не дал.

Имел опыт, от иных читателей не знаешь чего ждать. Она появилась в редакции сама – по совпадению, как раз в тот день, когда Максим наведалься туда за гонораром. Уже получив у кассира деньги, он заглянул к издателю и в кабинете увидел ее. Бумажный журнал к

тому времени угасал, электронная версия еще не кормила, редакции пришлось перебраться из просторного особняка в тесный флигель. Зато на столе у Хонкина светились сразу три широких дисплея. На левом копошился вещевой уличный рынок, покупатели ощупывали развешанные тряпки, на правом мужчина сидел с крупной дворняжкой перед самодельным плакатом «Помогите на еду», на среднем знаменитый юморист смешил зрительный зал. Звук, однако, был отключен. Хонкин вынужден был отвернуться от экранов к сидевшей у торца посетительнице. Увидев в дверях за ее спиной вошедшего Максима, он сделал рукой приветственный жест. Женщина оглянулась.

– Мы о тебе как раз говорили, – сказал Хонкин, он с прежним преподавателем уже был на ты.

– Это он? – женщина опять полуобернулась к редактору. – Ну да, – посмотрела опять на Максима, – я вас таким и представляла. Даже эти джинсы. Как будто уже видела.

– У тебя ко мне дело? – спросил Хонкин Максима, скрытно от женщины покрутив пальцем у виска.

– Нет, нет, просто по пути, извини, – тот уже готов был уходить.

Женщина неожиданно поднялась.

– Подождите, я с вами.

Удивительно, как ясно виделась ему сейчас она тогдашняя – как будто не изменилась с тех пор. Худощавая, легкая, черты подвижного, переменчивого лица можно было назвать суховатыми, что уже тогда делало его не совсем молодым. Хотя сколько ей было? Отнять восемнадцать лет Семы... ну, считай, девятнадцать... да, тридцать четыре года. Не девочка, что говорить, он был на год старше. «Ада», представилась сразу. Озадачивала ее готовность тут же пойти с ним, совсем еще незнакомым... куда? Хорошо, что он оказался при деньгах, естественно казалось в честь знакомства пригласить ее по пути в кафе, оно было тут же, напротив, чуть подальше ресторан, хватило бы и на него. Мешало одно житейское обстоятельство, которое было не так просто озвучить. У Максима в доме, как обычно бывает в Москве среди лета, как раз отключили горячую воду, он дней десять не мылся, уже чувствительно чесалось тело и голова. В тот день он как раз настроился пойти в баню, тоже была неподалеку, в пакете с логотипом, кажется, Boys, лежало необходимое, и одет был, прямо сказать, не для кафе, тем более не для ресторана. Извините, попробовал объяснить,

преодолевая неловкость, я сейчас с вами не могу, мне надо спешить... Да? – она посмотрела на него снизу вверх взглядом таким выразительным, что не удавалось придумать ничего достойного. Ко всему еще он, не выдержав, почесался – правда, всего лишь в затылке. Жест мог выражать нерешительность, но Максим предпочел все-таки честно объяснить про баню. Представляя, как малоаппетитно звучала такая подробность в разговоре с женщиной. Ее реакция, однако, удивляла все больше. Так пойдете, сказала, ко мне, у меня вода горячая есть. То есть домой? – не мог не переспросить Максим. – А что? – пожала она плечиком. – У вас еще вот пуговица на рукаве болтается...

Какое-то, право, обескураживающее простодушие, он не знал, как это назвать... В попутной лавочке потянулся было купить коньяк, она поморщилась: нет, нет, этого не надо. Впору было устыдиться: не показался ли ей выбор дешевкой. Дом был рядом, внушительной сталинской постройки, такие потом стали называть престижными. Просторная квартира, высокие потолки, лепнина, подробности он рассмотрел постепенно. Часть большой комнаты занимал концертный рояль. И ванная была роскошная – Ада без дальнейших разговоров привела его к ней, повесила для него на крючке не полотенце, а целую простыню с изображением синей постройки и надписью Hamburg, одежду незаметно унесла. Когда он вышел из ванной, завернувшись, как древний римлянин, в простынную тогу, она подшивала пуговицу на его джинсовой рубашке.

6

Назвать ли случившееся тогда любовным приключением – или, скорей, любовным безумством? Максим в своем возрасте имел дело с разными женщинами. Время назад разошелся с очередной, довольно долго оставался один. И у нее он оказался, конечно, не первым. Обычное дело. Но тут было что-то неназываемое. Как будто эта женщина еще до встречи вообразила желанного, и Максим совпал с ее ожиданиями. Можно было связать что-то с ее личными особенностями, но объяснить ли, как она сумела сразу его околдовать, влюбить в себя?

Хотя ни капли в рот оба не брали, совершалось все в состоянии, похожем на опьянение. Оказалась близко... дотронулась, халатик

соскользнул с плеч... и ловила губами губы... и щекотала ухо дыханием, прерывистыми словами:

– Да... да..., – улавливал он, – я знала... я ждала... вот... вот так... кружится не голова – все... Нет, нет... не берегись, ни о чем не думай. Со мной не надо беречься... я уже старая... У тебя есть дети... много? Не говори... молчи... ты можешь не знать... Женщины не всегда говорят. Я, может, тоже не скажу... Мне от тебя ничего не нужно... только вот это...

Телефон, наверно, звонил уже долго, прежде, чем он его услышал. Аппарат оставался в соседней комнате. Лежал, обессиленный, когда звонки из-за стены стали до него доходить.

– Слышишь? – спросил Аду.

– Не обращай внимания, – сказала она. – Кроме тебя, никого теперь не существует.

Звонки, однако, повторялись настойчиво, нагло, становились как будто все громче, мешали в самый неподходящий момент. Наконец, Ада все же вышла, не накидывая халата. (И как же была хороша!) Он слышал ее голос из-за стены.

– Не твое дело... – доходили слова. – Я теперь замужем... да... так быстро... И представь, уже будет сын, – добавила вдруг. – Значит, знаю... А вот этого не надо... все... Не звони больше...

Вернулась, повеселевшая, прильнула к Максиму. Звонки возобновились, не позволяя ни о чем другом думать. Аде опять пришлось выйти.

– Я же сказала: не звони... – прислушивался Максим. – Решил рвать когти – так давай, твои проблемы... Что значит: на моей совести?... Ну, посадят, так посадят... все, хватит... Зачем еще?..

Она появилась в уже накинутом халате, с сигаретой в пальцах.

– Каков, однако, – качнула головой, словно отгоняя мысль или воспоминание.

– Ты, оказывается, куришь? – сказал Максим. О звонке тогда почему-то не стал расспрашивать...

– Это раньше успокаивало нервы... Нет, мне теперь нельзя, – она отложила сигарету и на время замерла, прислушиваясь к чему-то в себе...

Да, этой женщине удалось не просто влюбить его в себя – околдовать, стать единственной. Хотя о замужестве с ним не вела речи. Они так и жили первое время, не расписываясь. Как будто после начального безумства он для нее стал не так уж важен. Когда у нее уже набух заметно живот, она вообще перестала его к себе подпускать. Нервничала, боялась выкидыша, ходила по врачам.

7

Мальчик родился недоношенным, слабеньким. Ада всю себя посвятила уходу за ним. Сразу продала рояль, чтобы звуки не будили младенца, да и деньги тогда оказались нужны. Максим перестал публиковаться, подрабатывал преподаванием. Не услышь он раз-другой, как она играла для себя, можно было бы подумать, что инструмент у нее стоял просто для статусной декорации. Была ли она связана с музыкой профессионально, он так определенно и не узнал. Отмахивалась, отговаривалась, если Максим продолжал интересоваться, морщилась недовольно. Вообще почему-то не любила о себе рассказывать. Нашла компьютерный заработок на дому, какие-то искусствоведческие консультации по интернету. Все ее мысли были теперь о сыне, которого они решили назвать Сёмой, Семеном.

Слабый от рождения, мальчик со временем в чем-то выравнивался, чем-то начинал смущать. Утвердившись на ногах в год с небольшим, он ходить начал не сразу, полюбил подолгу раскачиваться в своей кроватке, ни на кого не обращая внимания. И на детской площадке потом ни с кем не играл, ни на что не реагировал, мог так же подолгу не уходить с карусели, нажимая все те же педали и рукоятки, лишь бы однообразно крутиться.

По врачам с ним ходила Ада, от одного она впервые услышала слово «аутизм». Тогда и врачи у нас только начинали осваиваться с этим диагнозом, родителей само слово пугало. Повезло попасть на специалиста, который сумел успокоить, толково кое-что объяснил. Мальчик живет в своем, замкнутом мире, сказал он, бояться тут нечего, в нем он знает больше, чем мы себе можем представить. Показал Сёме книжку с картинками и крупным шрифтом, стал называть буквы, читать вслух – тот смотрел без интереса, вертел, как всегда, головой.

Но когда они пришли к нему в следующий раз, обнаружилось, что мальчик может читать по складам, а потом и довольно бегло.

Максим позднее подумал, что эту способность жить в своем, незаурядном мире, зная о нем больше, чем можно представить со стороны, сын унаследовал от матери, способной удивлять других разными странностями. С возрастом он даже внешне становился все больше похож на нее, насколько позволяла судить подростковая неоформленность. Ей удавалось общаться с ним без проблем. У Максима это не всегда получалось. Сёма вдруг замыкался без явной причины, не хотел объяснять, почему.

Желанный контакт возник у Максима однажды, когда они с восьмилетним сыном шли на дачу с позднего поезда по открытому полю и оказались под августовским ясным небом. Мальчик поднял голову и замер, впервые увидев над собой звездную россыпь. Промычал что-то вопросительное без слов, показывая взглядом. Среди городских освещенных домов он до тех пор просто не мог такого увидеть. Максим стал объяснять про звезды, про их названия, хотел показать ему Большую Медведицу, Полярную Звезду, особенно в тот раз яркие, но не знал, как это сделать. Догадался потом обзавестись картой звездного неба, стал показывать названия на ней. В следующий раз взял карту за город с собой, чтобы вместе посмотреть на звезды, подсвечивая ее фонариком. Увы, с погодой не повезло, небо затянуто было облаками. Вспомнился тогда Планетарий, он повел мальчика на популярную лекцию. Сёма следил за движением светящейся стрелки по точкам звезд на своде и, опережая лектора, сам называл их громко, мешал сидевшим рядом.

Возникший интерес определил многое в дальнейшей его жизни. Ада нашла для сына школу со специальным режимом, он кое-как посещал ее до восьмого класса, ушел сам, отказавшись сдавать экзамены. Ему достаточно оказалось компьютера. Научился самостоятельно пользоваться устройствами, находить нужные файлы. Оба вначале сомневались, не вредно ли ему это занятие, боялись перевозбуждения, перегрузки, увлечения ненужным мусором. Но мальчика интересовали только звезды. Как стало ясно потом, и о них он нашел уже в интернете игровую программу, позволявшую общаться с другими.

Через такую программу он и познакомился с девушкой по имени Дарья. Послала ли она ему какой-то вопрос, как можно думать, про звезды, он ли сам на нее вышел, в подробности сын родителей не по-

свящал. Но когда она в интернете выложила однажды свое фото, Сёма показал его маме: красивая, правда? Это было уже что-то новое. Аде понравилось простое лицо без макияжа, волосы, расчесанные на пробор. Единственным украшением на открытой шее был небольшой крестик. Со временем они узнали, что молодые люди стали встречаться в городе. Раньше уговаривали парня прогуляться хотя бы во дворе, он мотал головой: что там делать? Родителям, по правде говоря, так было спокойнее. Теперь оставалось положиться на присмотр спутницы.

8

Обычная, в общем, история. Мысль Ады, однако, продолжала работать по-своему. Когда Сёма подхватил неизвестный вирус и одновременно стали вянуть цветы в горшках, она заподозрила наличие в доме опасной энергетики. Источником могли быть чужеродные, не зря смущавшие ее бумаги. Решено было убрать кое-что из дома. Максиму пришлось понемногу вывозить на дачу большие полиэтиленовые пакеты.

Дачей для него был деревянный домишко посреди обширного сада, доставшийся когда-то в наследство маме. Папа в ней потом обживался, стал сам кое-что достраивать. Максим, студент, выбирался к ним летом, когда родители были еще живы. Наведываясь сюда последнее время, он стал замечать, что привезенные им когда-то пакеты Ады местами начали рваться, содержимое из них выпирало, само вываливалось, расползлось по дощатому полу, мешалось со всякой всячиной, падавшей с покосившихся отцовских полок.

В нынешний свой приезд Максим обнаружил, что время необъяснимым образом продолжало свою работу. Войдя в дом, он вынужден был перешагивать через книги, бумажные свертки, пачки, виниловые пластинки, негативы широкой пленки, через памятные, не замеченные прежде игрушки своего детства, которые отец, оказывается, хранил. словно не уместаясь в комнатах, все это через открывшуюся дверь начинало вытекать уже и за порог.

Пристроившись вчера кое-как на полу, Максим перебирал распухшие от фотографий альбомы, рассыпающиеся папки, неизвестно чьи тетради, старые книги, не представляя, как среди них найти книжку или брошюру, которую просила привезти Ада. После той телепере-

дачи про японца ей что-то неясно вдруг вспомнилось. Что-то, сказала, связанное с хиромантией. Книжку тот самый Кейн, как понял Максим, оставил ей перед своим отъездом, зачем-то надо было еще раз в нее заглянуть.

В память возвращался давний телефонный разговор, голос Ады из-за стены, недопонятые когда-то слова. Значит, она с ним тогда все-таки встретилась, думал он, смакуя оскомину смутной ревности. Хотя Ада и говорила, что в книжку она и заглядывать не стала, даже заглавия теперь не могла назвать. Так чуждо, сказала, стало ей все, связанное с этим человеком. Почему же сейчас про нее вспомнила? Максим временами не удерживался от вопросов, кое-что от жены урывочно узнавал.

Этого Кейна когда-то привел с собой ее покойный отец, связанный с тогдашними органами. Увидел шустрого паренька на вокзале среди цыган. По служебной привычке настроился уже отвести его куда надо, но тот вдруг сам подошел, предложил погадать. И сразу отца заинтриговал, как это умеют цыгане. Что-то в нем угадал такое, чего ни по какой ладони не определить. Что именно, отец дочери не рассказывал. Она поняла только, что ему почему-то не захотелось отпускать паренька от себя. Сумел забрать его из табора, тот уже и сам хотел. На первое время пристроил в городе, обеспечил необходимым. Почему он это делал, Ада могла лишь догадываться, но потом ей не зря казалось, что решал не совсем отец, Кейн сумел его необъяснимо пленить.

Представлялся он по-цыгански Роман, другое, настоящее имя не называл. Сирота, сбежал из казенного приюта, прибился в таборе к семье, у которой не хватало своих детей. Неприметный на вид, небольшого роста, он странным образом умел производить впечатление. Аде случалось думать, что мог у цыган научиться чему-то вроде их пресловутого гипноза. Только этим она могла для себя объяснить, почему отец рассказал парню о себе кое-что не предназначенное для посторонних. Например, как он спас от неизбежного лагеря ее покойную маму (которую Ада совсем не помнила), взяв себе в жены, когда первый муж ее, большой в те времена человек, оказался под следствием по громкому делу, а потом был расстрелян. Между прочим, отметила она для себя, жену отец получил вместе с квартирой. И роялем, на котором ей потом пришлось заниматься, без особой охоты, скорей поневоле. Недаром она этот инструмент не смогла полюбить, еще не отдавая себе отчет, почему...

Задумавшись уже в полудреме, Максим выронил из рук пухлый альбом, из него высыпались фотографии. На одной среди оказавшихся наверху он отметил человека в форме. По серому отпечатку трудно было определить род войск, похоже, МВД пятидесятых годов. Китель затянут широким тугим ремнем, брюки заправлены в сапоги, фуражка с кокардой. Количество звездочек на погонах в этом повороте нельзя было различить. Не столько по рассказам Ады, сколько по ее недоговоркам, Максим мог предположить, что у отца примерно в те годы были нешуточные осложнения, все тогда обошлось. Восстановили в партии, даже ордена вернули, похоронили с почетом, в престижном месте. Собирая для вывоза бумаги, она свернула трубочкой какие-то грамоты, официальные бланки, внутрь высыпала горстку тяжелых наградных знаков.

Не оставляла себе даже семейных фотографий, почему? – во рочалось в сонном мозгу. Мы знаем о не таких уж давних временах, когда в календарях, в школьных учебниках заклеивали фотографии врагов народа, замазывали чернилами опасные имена. У нас не требовалось первобытного колдовства, вспоминались ему рассуждения этого... как она его называла... было другое, свое. Положить партбилет на стол – все равно что отказаться от жизненного питания, приговор невыносим, только пуля в висок смоем позор... считайте меня... подтвердил свое предательское нутро... Надо прояснить, найти... что-то еще... другое... ведь сейчас в твоей власти...

И словно откликаясь желанию, в руке оказалась самодельная, карманного формата, тетрадка в бумажной обложке, на ней вместо названия была во всю ширину изображена растопыренная пятерня с цифрой на ладони. Максим даже чуть вздрогнул: вот же о хиромантии... неужели нашел?

Осторожно раскрыл страницы необычно тонкой бумаги, но ничего на них не увидел. Листки показались ему просто пустыми. Без освещения невозможно было различить ни знака. Поднял взгляд к окну: оказывается, уже смеркалось. Засиделся допоздна, не заметив. Не без труда встал с пола с намерением включить свет – но, еще не добравшись до выключателя, вспомнил, где похожая бумага ему встречалась. Такая использовалась когда-то в старых факсах. Текст на ней

спустя время сам собой обесцвечивался, у него такое случалось. Как-то из поликлиники ему по факсу прислали выписку из истории болезни, через полгода ее было не прочесть...

Незачем, решил, включать свет. Втиснул тетрадку в задний карман джинсов, чтобы посмотреть утром. У окна задержался, всматриваясь сквозь отражение лица в неясные тени. На краю темноты что-то вздрагивало от взгляда. Обломанные, перекрученные стволы, поникшие силуэты... сгустки памяти. Согнутая, с узловатыми выпуклостями... вспомнилась мама. Кто-то рядом выпрямлялся со скрипом, опираясь на костыль опущенной ветки. Ты все ищешь свое, не можешь найти? – слышался папин голос. Посмотри, тут под окнами теперь котлован, в нем свалены всякие обломки, обрывки. Новый сосед расширяется, обустраивает себе виллу. Подвел под самую нашу стену. Ты пришел от станции с другой стороны, не видел. Участок совсем запустел, ни цветов, ни грядок. Сил нет поддерживать, и некому, ты совсем не помогаешь. Столько лет не приезжал. Смотрю, все что-то записываешь для себя. Я вот не успел. Мы так мало разговаривали друг с другом. А столько хотелось бы рассказать. Ничего особенного, тебе вряд ли интересно. Но все-таки жалко, если уйдет вместе со мной, исчезнет. В войну я пять раз был ранен, прошел пол-Европы и, представляешь, ни разу не видел моря. Пока жил здесь, мне больше ничего не хотелось, был всегда счастлив. Радовался, когда тебя к нам маленького привозили. Мама больная спала, ты проходил мимо на цыпочках и мне говорил: Видел, как я тихо шел? Как снег падает... Такой был милый: как снег падает...

Видение непрожитых лет, трогал Максим пальцем влагу под глазом. Мама болела долго... настой тяжелого запаха в комнате, хотелось ее обходить... тихо, как снег падает. Когда я мог так говорить?... это наверно Сёма... папа успел увидеть его маленького... я был уже взрослый... слипаются времена... Обломки в чужом котловане, обрывки, запретные записи на рентгеновских ребрах... пришел с другой стороны... ни о чем родителей не расспрашивал. Знаешь лишь то, что, случалось, сами рассказывали. Откровенничать бывает неловко. От детей вообще таятся больше, чем от чужих. Может, и хотели бы открыться, да без спросу стесняются. Честолюбивые надежды молодости переносят на отпрыска, и вот ты какой есть... ничего не можешь сказать... Боже, какая грусть!..

Максим вдруг ощутил прикосновение. Приоткрыл глаза и только тут осознал, что продолжает дремать в электричке с закрытым планшетом на коленях. Перед ним стояла девочка в просторной цыганской юбке, рука протянута для подаяния. Напоминание из другого сна... не дают без себя обойтись... На стене за окном держалось: ХОЧЕШЬ ВСПОМНИТЬ? ИЛИ ЗАБЫТЬ? Электричка все еще стояла...

Да, тетрадка, вспомнил Максим, не до конца еще просыпаясь. Потрогал задний карман джинсов, ее там не было... да что такое?... А, помнится, переложил утром в наплечную сумку... ну, вот она. И посмотреть успел... эту ладонь на обложке. По пути на станцию понял, что цифра 9 на ней означала номер страницы. Открыл ее, как только сел в поезд. Текст и в утреннем свете не проявился. Только слабым карандашом там были подчеркнуты погасшие строки, на полях слева таким же карандашом вертикально: «Можно еще возникнуть». И справа: «...есть другая наследственность»... Знакомая стилистика. Вот что ей напоследок оставил этот... как его ... Никто... никакой. Надо все-таки до конца очнуться, позвонить Аде. Сказать, что нашлась та тетрадь, карандаш сохранился разборчиво. Отчего-то вдруг ясно подумалось, что сейчас этот Никто в Москве, и она это знала ...

Группа цыган продвигалась по проходу между пустыми скамейками, девочка впереди уже опустила руку, просить было не у кого. Последней шла дородная женщина в цветастом платье, с такой же косынкой на голове, оглядывалась на Максима. Как, однако, сжимается время...

– Мужчина, – донеслось до него. – У тебя машинка упадет.

Очнулся окончательно, поднял взгляд. Цыганка, та самая, немолодая, в косынке, сидела уже против него, рукой придерживала сползавший с его колен планшет. Никого больше рядом не было, за чем-то вернулась к нему.

– Уже приехали? – спросил Максим.

– Сейчас тронемся, – сказала цыганка. – А наши решили перейти на метро, узнали, что тут можно. В вагоне уже не заработаешь. Эй, я вижу, тебе еще у себя побыть надо. Никуда не спешишь, молодец. Досыпай, досматривай, что не успел. Машинка тебе мешает.

– Я не сплю.

– Как знаешь – цыганка уловила его неуверенность. Смотрела выжидательно. Сейчас предложит погадать, раз уже села, без денег не отвяжется. Он с ними имел дело. Без хиромантии обходятся, без карт. Снимет с тебя откуда-то взывшийся волос, потребует бумажную купюру, чтобы волос в нее завернуть. «Крупнее давай, а то не поможет». Известные приемы. Начнет пугать, заговаривать зубы, выманивать, сколько еще при тебе найдется, а пересташь поддаваться – фукнет, и ни волоса, ни купюр.

Он поправил на коленях планшет, поднял крышку. Пусть видит, что я на ее покупки клевать не стану. Что не машинка – она мне мешает... Оказалось, планшет оставался не выключен, просто дремал, как он сам, с открытой программой. Что там успел записать?

Максим поискал страницу. «...Мысль, которую пытался и все не мог проявить... если, проснувшись, удастся ее вполне удержать... на прежнем месте уже не вернуться...»

Значит, мне это не привиделось, я, уже в полудреме, печатал. Пробовал что-то еще завершить, додумать, пока не исчезло... Да, хотел же написать Аде... вот сейчас и написать.

«Ты знаешь, что сейчас Кейн в Москве»... – начал печатать Максим.

– Про жену думаешь, беспокоишься, – заставил его вздрогнуть голос цыганки. – Всего не знаешь и знать не хочешь... Не отводи глаз, я тебе правду расскажу. Ее зовут Ада... я правильно говорю? Любишь ее, я вижу. А она сейчас думает не о тебе, о своем...

Откуда узнала имя? – в замешательстве соображал Максим. – Слышала, как я бормотал вслух? Угадала по губам? Могла видеть, что я печатаю?

– Хочешь узнать дальше? – посмотрела откровенно в глаза. Ну, ясно, понял Максим, дальше надо будет позолотить ручку.

– Я без наличных, – решил он оборвать сразу, – у меня теперь все на карточке.

– Для таких, как ты, без денег.

– Это для каких? – не удержался Максим.

– Для понимающих. Знаешь, что без обмана у нас нельзя, на тебе не заработаешь. Сам без копейки, одет, как бродяга. Правда таким не нужна, с ней только хуже...

Прямо, как этот Кейн, ясно вспомнил Максим. Большинству не нужна правда. Тоже ведь из цыган...

– Я такое читал у одного из ваших, – не удержался он опять.

– Из каких наших? – цыганка не сводила с него глаз, черных, как ее волосы под платком.

– Из цыган. Не по рождению, – счел нужным уточнить Максим. – Был сирота, пристал к табору, гадал с ними на вокзале. Научился вашему обману.

– Мужчины у нас не гадают, – жестко сказала цыганка, – только жулики. Этим нужны не деньги – особая власть. Зарабатываем мы, у них свои дела. Я сейчас без обмана, ты человек хороший, глаза ясные, сердце ласковое, тебя насквозь видно. – Голос цыганки становился напевным, ритмичным, серьги в ушах покачивались. – Да не держись так за свою машинку. – (Максим только тут осознал, что пальцы его правой руки оставались на клавиатуре). – Через нее тебя самого держат. Думаешь, что пишешь свое, а твоей рукой водит, кому нужно, не отпускает...

Другими словами то же, о чем я недавно думал. Надо ее все же дослушать, колебался Максим. Глядишь, добавит еще. Только сначала отправить Аде уже написанное.

Пальцами правой руки на ощупь, как пианист, искал на клавиатуре адрес, открыл... Едва он это сделал, как поезд вдруг тронулся. Максим поневоле, не глядя, нажал клавишу...

Текст на дисплее исчез. Нечаянно удалил, щелкнул вслепую не там? – он покачал головой. Ладно, скоро уже доеду, узнаю.

Закрыв планшет, спрятал его в дорожную сумку, удобную, плоскую, как мягкий портфель, поставил ее рядом с собой, у бедра. За окном вместе со стеной уплывало медленно: «ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ ПРАВДУ ИЛИ БОИШЬСЯ?»

– Да ты смотри не в окно, смотри мне в глаза, – напомнила о себе цыганка. Голос ее становился ниже, глуше, покачивалось на шее ожерелье, у них его называют монисто. Поверху шли красные бусы, к ним на кольцах приделаны были разноцветные камни, монеты, простые пятаки и как будто старинные... – Дай мысли пойти, как этот поезд, когда не доспали колеса... слушай, что они говорят... так, так, – речь ее становилась все неразборчивей, все ритмичней, напевней. – Понимал, пока был не здесь... так, так... ин э йеллоу сабмарин... in a yellow submarine... слушал... понимал... готов был слушать... ело-так-марин, – перезванивали монеты монисто, – submarine... там бы в

ней и плыл... in a yellow submarine, we all live in a yellow submarine, yellow submarine, we all live...

Мелодичный перезвон умолк, прозвучав раз-другой, Максим вновь пришел в себя... Что это было? Отстукивали неровный ритм колеса, поезд постепенно замедлял ход. Цыганки рядом с ним не было, дорожной сумки у бедра тоже. Исчезла вместе с планшетом и всем, что в нем. Тщательней ощупал еще раз пустое сиденье по обе стороны от себя, заглянул под него. Вернувшись на место, с усмешкой качнул головой. Считаю, получил по заслугам. А то ведь вообразил о себе. Переоценил возможности якобы трезвого интеллекта. Пренебрег способностью людей, умудренных другим опытом, вернуть тебя в состояние, где интеллект этот становится безвольным, чтобы заполучить свое. Попробуй, как можешь, из него выбраться. Хорошо, что успел отправить хоть что-то Аде... in a yellow submarine...

Перезвон возобновился, напоминая о себе. До Максима только сейчас дошло, откуда он. Совсем забыл, что в нагрудном кармане ковбойки у него оставался еще и старый мобильник, маленький, невесомый, но такой звучный. Такты yellow submarine были введены в него для сигнала. Может быть, Ада? – подумал он. Получила только что почту... нашла у себя адрес...

Он извлек аппарат из кармана, приложил к уху.

– Ну вот, хоть тут сработало, – прозвучал хрипловатый голос. – Что? Не узнаешь? – Максим уже готов был спросить, кто это, но в следующий момент сам узнал: это был Хонкин. Вот ведь, сколько лет друг с другом не говорили, но стоило его сегодня вспомнить – и объявился. Как будто услышал. – Только что получил письмо от тебя. Расскажи: как ты узнал, что этот Кейн в Москве?

– Какое письмо? – не мог понять Максим. Шум в голове сбивал мысли. (Может, то, что назначалось Аде, попало к нему, когда нажал не ту клавишу?) – Я тебе ничего не писал.

– Писал, не писал, факт, что поймалось на компьютер. Моим ребятам много не надо. Не то что любой сайт – мысли прочтут. Сумели уже войти от тебя к твоему Кейну, сказали, что ты хочешь с ним встретиться.

– Что за бред? – начинал раздражаться Максим. – Я этого моего Кейна не видел ни разу в жизни и видеть не собираюсь. Считал его давно умершим.

– Жив, можешь не сомневаться! Хочешь, поинтересуйся у ребят. Слиял от нас много лет назад. Затеял, как ты знаешь, хитрый бизнес, чуть тогда не загремел.

– Ничего я не знаю, – отрезал Максим. Но не удержался все-таки от вопроса: – А за что его хотели посадить?

– Ну ты даешь! За пластическую хирургию, забыл, что ли? Напомню, раз уж тебе требуется. У известной телеведущей... как же ее?... неважно... после аварии оказалось изуродовано лицо, они с коллегой взяли его восстановить. Не пришло сразу на ум, что в этой профессии изменить привычную внешность можно только к худшему. Какой ни станешь красоткой, но если тебя перестанут узнавать на экране, создавай себя заново. В общем, дама себе не понравилась, организовала скандал, возможности у нее были. У медийных персон особая власть, до него не сразу дошло. А самому на публике еще захотелось побыть. Сказал где-то или написал, как можно любому бандиту изменить лицо, чтобы сыщики его потом не узнали ни на фото, ни на видео. Неосторожно сболтнул, конечно. Считай, фирменный способ укрывать преступников. Завели серьезное дело, он дожидаться не стал, поспешил смыться. В Израиль, потом в Штаты, освоил там или где-то еще новый бизнес. Познакомился с человеком, который приспособился влиять на политический курс небольшой страны. По-разному говорили, какой, неважно. Психологические операции, черная пропаганда, слухи – технология теперь общеизвестная. Он с этим шефом одно время работал, учился у него. Как взломать сайт соперника, украсть базу адресов, заспамить их дезинформацией, фабриковать тренды. Когда поймешь, что люди верят прочитанному в интернете больше, чем самой реальности, осознаешь, что у тебя есть власть, заставишь их поверить практически во что угодно. Так он писал. Но мэтра его вдруг посадили, Кейн и для себя ощутил угрозу. А тут как раз на него вышел один наш громкий политик, позвал поработать на себя. Вот так твой Кейн в Москве и объявился. Решил, что старое здесь уже не в счет, но держится на всякий случай инкогнито. К аппарату не подходит, подставляет вместо себя секретаршу. Ребята как раз сейчас опять к нему пробиваются, держат меня на связи. Минуточку, вот кто-то сигналил, не отключайся...

– Алло! – неожиданно услышал Максим голос Ады. – Кто это?
– Это я, Ада, привет! – удивленно ответил он. – Ты с кем говоришь?

– Здравствуйте. Рада вас слышать, – откликнулся тот же голос, сразу ставший незнакомым, служебным. Это была не Ада, разве что слегка похожа. На дисплее возник непонятный шрифт. Максим поспешил отключиться. И тут же опять прозвучал сигнал вызова.

– Вы нам только что звонили? – сказал голос.

– Извините, что-то, видимо с аппаратом, у меня очень старый, выкидывает не пойму что.

– Но вот же у меня ваш номер и фамилия. Нам сказали, что вы хотели увидеться с доктором Кейном...

– Ни с кем я увидеться не хотел, – отрезал Максим. – Считайте это техническим недоразумением.

Женщина промолчала, слышны были какие-то отдаленные щелчки. Максим собирался уже отключиться, но тот же голос возник вновь.

– Алло! Вы слушаете? Доктор Кейн просил передать, что готов вас принять, когда соберетесь, ответит на все ваши вопросы. Вот здесь адрес (на дисплее он тут же появился по-русски), телефон вы уже знаете.

– Не собираюсь я никому звонить, – сказал Максим.

– Вам можно и без звонка.

Новый бред, устало подумал Максим, но вслух говорить ничего не стал, отключился. В голове шумело. О приглашении думать не хотелось, оно воспринималось как непрошенное, навязанное вмешательство.

12

Надо было все-таки связаться с Адой. Он позвонил ей по домашнему номеру, с облегчением услышал несомненный, единственно нужный голос. И словно вдохновился возможностью наконец-то понастоящему объясниться, выговориться. Сразу, без предисловий, поспешил рассказать ей, что в дороге у него украли планшет (про цыганку предпочел умолчать), спросил, дошло ли до нее письмо, которое успел ей отправить. И что насчет Кейна не подвела интуиция, тот сей-

час в Москве, только что ему это подтвердили по телефону... Все то же вдохновение не давало ему остановиться, он тут же зачем-то счел нужным пояснить, что позвонила ему от имени Кейна его секретарша, и не просто позвонила, передала приглашение доктора заехать к нему для разговора...

Аде до сих пор удавалось лишь вставлять в его словоизлияние односложные: да, получила, да, знаю, – но тут она, воспользовавшись паузой, спросила:

– Надеюсь, ты к нему не собрался?

– Нет, конечно, – ответил Максим. Что-то в тоне ее вопроса побудило его, однако, добавить неожиданно для самого себя: – Хотя было бы любопытно.

– Не вздумай ни в коем случае, – резко сказала Ада. – Не представляю, что еще может быть.

– Что ты имеешь в виду? – не понял ее тревоги Максим.

– Пока не знаю... Куда-то пропал наш Сёма, – добавила вдруг она. – Со вчерашнего вечера. Я думала, загулялся где-то со своей Дарьей. Но вот она только что ко мне приходила спросить, не знаю ли я, где он. Не хотела по телефону. Дня два назад Сёма получил от кого-то письмо, о котором отказался ей говорить. Раньше он от нее не таился, она при желании могла сама заглянуть хоть в его фейсбук. Но как раз на этих днях он почему-то везде изменил пароли. Это, как она поняла, пришло по обычной почте. Заглянул к ней сказать, чтобы она в случае чего его не искала и меня об этом предупредила. Она спросила, куда это он собрался, он ответил: на кладбище. Глаза, по ее словам, у него были безумные. Как и непонятные ей слова. Но я, кажется, представляю, на какое он кладбище, что вдруг узнал и от кого.

Максим помолчал, пытаясь собраться с мыслями. Не далее как вчера, перебирая ее семейные фотографии, он вспоминал слова Ады, что ее отец, дед Сёмы, был похоронен с почетом в каком-то особом месте, она сама там никогда не была. И тут же подоспевала догадка, что человек все еще не совсем для него реальный, мог об этом знать больше нее...

– Да, – как будто услышала она ход его мыслей. – Но почему он до сих пор не вернулся? И почему замолчал, стал недоступен его мобильник?

– Он мог там у него разрядиться, – сказал Максим, взглянув тут же на свой. – Мой, боюсь, сейчас тоже сдохнет.

Посмотрел в окно: поезд неспешно распутывал сложные переплетения привокзальных путей. Вдруг стало ясно, как он сейчас поступит.

– Не волнуйся, – сказал, – если я немного еще задержусь.

– Ты что-то задумал? – тревога в голосе Ады звучала все явственней.

– Говорю же, мобильник садится, – на ходу придумывал он. – Мы сейчас подъезжаем к вокзалу, поищу, где здесь его зарядить.

– Проще бы сразу домой, – проговорила она. – Только, пожалуйста, не вздумай к нему, – повторила еще раз. – Ты не представляешь, чем это может обернуться.

13

И ведь сам решил ни к какому Кейну не ездить – почему все же направился к нему прямо с вокзала? Сказанное Адой заставляло вновь думать о человеке, возможно, имевшем отношение к истории с сыном. Не терпелось прояснить обострившуюся после разговора душевную смуту, что-то, если понадобится, предупредить, предпринять, чтоб не зудело. Предварительного звонка, договоренности не требовалось, как завершила та телефонная дама.

Девятого номера на улице не оказалось, были седьмой и одиннадцатый, оставалось решить, что нужный – тот, что был между ними, без номера. Даже не дом, а пристройка с вывеской «Обмен валюты» в торце. Охранники, двое бугаев в камуфляжной униформе, оторвавшись от дисплеев, без слов проводили его взглядами из стеклянной служебной будки. «Здесь», сказал один уже ему в спину. «На второй этаж и по коридору», подтвердил второй. Как будто знают, к кому я, усмехнулся Максим. В какой это книге обитатели дома подсказывают незнакомому человеку направление, не спрашивая, куда он?.. В «Процессе» у Кафки, ну конечно, у кого же еще реальность не отличишь от сна.

Словно воспроизводя уже виденное, он поднялся по лестнице и пошел по вытянутому коридору мимо ряда однородных дверей без табличек, без номеров. Возле одной к стене прислонен был велосипед. Типовая планировка малоэтажного жилья старой постройки. На клинику было не похоже, домой, что ли, пригласил? Когда-то, в советские

времена, так принимали у себя на квартире по личной договоренности стоматологи, скрывая от властей запретный частный промысел, пряча в кладовке примитивную бормашину с педалью и веревочным приводом. Шел, уже готовый стучать наугад в каждую, спрашивая, как тот же персонаж, где живет такой-то с придуманным именем, и заранее сочиняя возможное начало разговора – в надежде, что никого так и не найдет...

Внезапно прямо перед ним открылась одна из дверей, появилась женщина в голубом медицинском халате. Лицо до глаз было закрыто марлевой маской. Халат туго обтягивал стройное тело. От нее пахло лекарствами. Медсестра или в этом роде. «Здесь», сказала, не спрашивая ни о чем, и жестом пригласила Максима.

Какой тут Кафка! – отменил он литературный поворот мысли. – Могут просто наблюдать за тобой дистанционно. Только что был разговор на близкую тему. Новое время, реальность новой цивилизации.

Женщина ввела его в маленькую прихожую, там открыла дверь слева. Помещение, в котором они оказались, было не похоже ни на медицинский кабинет, ни на жилую комнату, почти пустое. Кроме трех-четырех простеньких стульев, отодвинутых к стенам, как будто их собирались, но не успели совсем убрать, – два новых стандартных кресла, между ними журнальный столик.

– Посидите, пожалуйста, доктор сейчас придет, – показала на кресло женщина. Поставила на столик два безупречно чистых бокала. – Что-нибудь выпить, закусить?

Голос был тот самый, не просто служебный – какой-то искусственный, возможно, из-за маски. Как он мог показаться ему похожим на живой голос Ады? Максим отрицательно покачал головой, хотя пить вдруг захотелось. Медсестра вышла. Он садиться не стал, огляделся.

На одной стене были развешаны в застекленных рамках официальные документы с печатями и гербами. Приблизился, чтобы их рассмотреть. Это были всяческие дипломы, свидетельства на разных, не всегда понятных языках. Латинский шрифт на некоторых позволял различить имя Kein, русских среди них не было. Документы перемежались групповыми фотографиями известных деятелей. Узнаваемы были недавние американские президенты, Кеннеди, Буш, других Максиму приходилось угадывать. Был даже кто-то похожий на Черчилля

и, кажется, японского императора, кто-то в латиноамериканском пончо. И среди всех, явно вставлено фотошопом, лицо человека с лысым черепом, в невнятной серой одежде. Росчерки памятных автографов разбирать не имело смысла. Он отошел к противоположной стене.

На ней развешана была живопись. Одна картина изображала московский мавзолей с небрежно замазанным именем, на трибуне красовались звезды кино и эстрады. Ближе к краю опять присоединился тот же тип в сером...

– А вот и я, здравствуйте! – голос за спиной заставил Максима обернуться. Оказывается, в комнате была еще одна дверь. Появившийся в ней невысокий человек в куртке, похожей на старомодный студенческий китель, был явно тем самым, что на картине и фотографиях. – Наконец друг друга увидели. Похож? Презент от художника, мы с ним познакомились в Штатах. Он там бедствовал, как поначалу многие наши, не сразу, как говорится, поймал бренд. Я ему помог раскрутиться, подсказал одну инсталляцию. Жаль, здесь нет альбома с картинкой. Перед церковью куклы разного цвета, тесно обмотанные колючей проволокой. Корпус церкви из пластиковой банки, резиновая клизма над ней изображала купол. Удалось найти очень крупные. Аллюзия на советские темы, да? В то время это звучало. Да еще я предложил наклеить на корпус этикетку томатного соуса, громкой американской фирмы, сам выложил все в интернет. Получился нужный скандал, фирма рекламу раскрутила. Художник сделал себе имя, деньгами со мной поделился... Каким шарлатаном был, таким и остался, да? – Речь у него была быстрая, но отчетливая. – Вы наверно пришли, чтобы мне сказать это?

– Вы пока ни слова не дали мне вставить, – усмехнувшись, воздал ему должное Максим.

– Скажете, скажете все, на любые ваши вопросы отвечу, как обещал. Только сначала надо бы отметить встречу. Присаживайтесь. Вы не за рулем? Нельзя же совсем не промочить горло.

Наклонившись, извлек откуда-то и поставил на столик бутылку с крупной надписью на этикетке: «Houdini's tears». Над надписью был изображен глаз, углы его загибались кверху, как смеющийся рот, но под левым уголком зависла слеза. Разлил по бокалам прозрачный напиток.

– За встречу? – предложил тост и, чокнувшись, отхлебнул первый. – Вот ведь, закуски она не поставила. Но слеза и так хороша,

правда?.. Вам, думаю, имя Гудини знакомо? – продолжал он. – Тоже на тему наших давних дискуссий. Шарлатанство, манипуляции, магия. Слышали про его необъяснимые фокусы, трюки? Как он высвободился из любых наручников, проходил на глазах у зрителей через стену или заставлял исчезнуть живого слона? Другие после подобных выступлений разводили треп про свое общение с потусторонними силами. Гудини таких разоблачал. Твердил, что в его чудесах никакой магии нет. Технологию, правда, не раскрывал. Нельзя было терять заработок. Так и остался неразгаданным. Обещал рассекретить все к своему столетию, в каком-то особом завещании. А завещания-то никакого не оказалось. Это назвали «последний трюк Гудини». Умел посмеяться над всеми, над собой в том числе. Не зря ему поддавались. Кто не мог видеть его при жизни, тем уже не понять, что он был такое. Толкуют в лучшем случае о гипнозе, о спиритизме. Вот и вы до нашей встречи могли разоблачать какую-нибудь хиромантию, не более. А сейчас по мне уже начинаешь чувствовать, что я вроде... как это выражаются... считай, что посмеиваюсь, – перескочил он на ты. Речь уже становилась немного пьяной, он начинал запинаться. – Знать бы, зачем... that is the question, как говорил наш Вильям, кажется, Шекспир... Ты можешь считать, что свое уже получил. Имеешь право. У меня впереди надежда. «Не взял рождением, так свое возьму благодаря врожденному уму». Это у того же нашего Вильяма в «Лире» есть такой незаконный... незаконнорожденный... закомплексованный, как выразились бы комментаторы, интриган... есть, да... А между прочим заставил дам, и не простых, соперничать из-за себя. Скажешь, а чем он кончил? Так это Шекспир, Шекспира не обмануть. Он ставит в конце концов на шута. Я с некоторых пор тоже. Кто умеет дурить мозги, того не сразу раскусишь. Выпьем, что ли, за шутов, если ты не против...

Чокнулись еще раз. Максим тоже все больше ощущал себя захмелевшим. Напиток казался некрепким, но после дороги, с утра без всякой еды... И слеза, похоже, у него непростая. Хмель был каким-то веселым, легким, как и сбивчивая болтовня собеседника. На миг напрягло было упоминание о влюбчивых дамах... не задержалось. Что в самом деле может привлечь женщину в этом невзрачном плешивце? – расслабляясь, думал Максим.

– Я как раз сегодня говорил в поезде с одной цыганкой, – вспомнил под настроение, – рассказал ей, как ты когда-то гадал. Она объ-

яснила мне, что гадают у них только женщины. Если увидишь за таким делом мужчину, считай – жулик, от него неизвестно чего ждать.

– Женщины в таких делах разбираются, гадание бывает разное, – ничуть не обиделся тот. – Для заработка дело нужное. Эта румны – так они себя называют – она и с тебя свое, небось, взяла... каким ни считай себя интеллектуалом... Да?.. по тебе вижу, что взяла. Таким, как ты, кажется, что она удивительно угадывает. А она оживляет все в тебе самом, помогает вспомнить, хочешь, не хочешь. Вот покажи мне сейчас свою руку. Да не бойся, это не больно. Все равно какую...

Максим положил руку ладонью кверху на стол, тот стал медленно, мягко разглаживать ладонь пальцем.

– Ты как-то философствовал: дети бывают не от этого... помню... По руке мужчины, между прочим, можно определить число детей. У кого-то, бывает, трое детей, но линиями подтверждены только двое. Это не обязательно значит, что кому-то он отцом не приходится, хотя возможно и такое. Отцовство сейчас сплошь и рядом оспаривают, не хотят платить алименты, требуют генетическую экспертизу. А что экспертиза? Наследственность бывает не только биологическая. Есть разные ДНК, а есть область высоких измерений. Что-то передается не через кровь, другую, неявную связь узнаешь иной раз через интонацию, жест. Иной раз дети сами отказываются от предков, как в Германии делали потомки фашистов, порывают с семьей. Или у нас вдруг узнают про отца-палача... Нет, твои линии только через лупу смотреть, – он отпустил руку Максима на стол, словно утратив к ней интерес. – Да мне они и не нужны, без них могу сказать, зачем ты пришел. Чтобы спросить, куда пропал сын, которого ты считаешь своим...

– Я пришел, чтобы тебе сейчас дать по морде, – с усилием выговорил Максим и попытался подняться, но почувствовал, что не может. Он не был даже уверен, произнес ли эти слова вслух или просто подумал.

– Мы же с тобой за Шекспира чокнулись, за шутов... какой смысл сбивать. Ты даже еще не выяснил, где парня искать. Подожди, помогу сейчас встать, пойдем вместе. Спущу тебя с лестницы... хорошо звучит, а? спущу с лестницы. Вниз труднее, чем вверх, без перил. Там объясню дорогу.

Он взял Максима под руку, сам, было, вместе с ним пошатнулся. Держался на ногах, однако, неплохо.

– Тебе, я понимаю, надо на кладбище, – стал осторожно спускаться с ним по ступеням, свободной рукой скользя по стене. – Отсюда близко, на метро через станцию, но с идиотской пересадкой, выход в другую сторону, оттуда еще идти. Тем более час пик... тебе сейчас полезней пешком. Недавно очень кстати выпрямили нужную улицу, сделали пешеходной, как раз для тебя. Выведу, покажу.

Они в этот момент проходили мимо будки охранников, те при их виде встали, почему-то вытянувшись.

– Работайте, – махнул им рукой Кейн. Открыл дверь, с улицы дохнуло свежей зеленью. Он высвободил руку Максима, раз-другой зачем-то провел перед его лицом ладонью. – Все, отпускаю тебя... Держись? Улица, – показал, – вот она, не собьешься. Пешеходная, без транспорта. Если что, спрашивай монастырь. Сегодня там, правда, какое-то мероприятие, возможна толкучка. Но тебе туда не нужно, ориентируешься. Увидишь ограду, капитальную, металлическую, свернуть надо перед ней. Дальше будут большие ворота. А там тебе покажут... Да, – спохватился, – надо же еще сделать фотку на память. Чуть не забыл.

Он достал из кармана куртки смартфон, поднял его к лицу:

– Улыбнись... Э, где твоя улыбка? Помнишь, была такая песенка? Мишка, Мишка... как дальше?

– Мишка, Мишка, где твоя улыбка? – подсказал Максим слова, – полная задора и огня, – напомнил он и напев...

– Самая нелепая ошибка то, что ты уходишь от меня, – продолжили они дуэтом. – Ведь было же раньше что петь. У тебя замечательно получается. Когда подпеваешь интеллектуал, да еще такой – что еще надо? А сейчас? Телефонные трубки мешают делать поступки – разве такое споешь?

– Мне встречалось не хуже: я попала в сети, в которые ты метил...

– Как ты все понимаешь! Ну, облобызаемся на прощание... вот так... до встречи. Еще, надеюсь, увидимся... непременно...

Удовольствие было вдыхать встречный ветерок, приоткрыв слегка рот и на ходу веселея все легче. Вот ведь чего не ожидал,

направляясь к этому человеку... воплотился, возник наяву из не прояснявшихся до конца полумыслей, полувоспоминаний... И напоил, и развеселил. И польстить напоследок сумел. Оставалась, правда, все та же неясная оскомина, вникать в нее не хотелось. Все перебивало хмельное легкое благодушие. Хорошо было просто идти, с любопытством поглядывая по сторонам.

На улице очевидны были следы реконструкции, еще не доведенной до конца. Невысокие дома вдоль свежемощеной дороги были обновлены, фасады заново облицованы, выкрашены в мягкие пастельные тона. Еще пахло краской. Местами большие щиты загораживали, очевидно, остатки снесенных исторических зданий, на них изображено было то, что предполагалось восстановить: ионические колонны, портики. Все стены, ограды и даже попутные столбы исписаны были, увешаны бумажками объявлений. Максим держался поближе к ним, по привычке отмечая написанное.

«Коррекция межличностных отношений (скидка 50%)», читал он на одном. Ого, вот ведь каким премудростям теперь научились, жаль, не на чем было записать для себя на память. Или вот это: «Изготавливаем антиквариат». Бизнес-культура нового времени. Не так давно такого не было, доступные вертикальные плоскости метились непристойностями, простыми, трехбуквенными, с соответствующими картинками. Теперь потребность в порнографии утолялась профессионалами в интернете, подростковый примитив держался, наверно, в общественных сортирах. Но в Москве их уже заменяли стандартные биотуалеты с пластиковой облицовкой, на таких стенах, как прежде, не разойдешься.

Да и читал ли сейчас кто-нибудь, кроме него, эти вот листки, надписи? Люди шагали по улице, не видя ни стен вокруг, ни друг друга. Уткнулись каждый в свой индивидуальный мобильник, говорили плоским коробочкам, слушали затычки в ушах, женщины улыбались кому-то не здесь, и как же прелестны были их улыбки, их смех! Потрепанного вида мужичок в старой кепке-восьмиклинке чуть не налетел на Максима, перед собой он держал не мобильник, а пластиковую бутылку с бурой жидкостью, по походке судя, не пепси. Максим едва успел отстраниться, но мужичок, пошатнувшись, для равновесия все-таки малость к нему привалился, дохнул в лицо перегаром. «Человек человеку брат, ты меня понимаешь?» Попробовал коротко отбацать чечетку, сбился, засмеялся разболтанным пьяным смехом. Максим

поддержал его за плечо и дружески подтолкнул дальше. Собственное состояние, казалось ему, совпадало сейчас с общим.

День выдался теплым, некоторые шли сейчас в футболках, парни, девушки попадались и в шортах, на руках и ногах у иных можно было увидеть густую татуировку. Тату, как это называлось теперь. Максим пробовал на ходу взглянуться в невнятные изображения, знаки – ничего невозможно было выделить, разобрать, тем более прочесть. Для самих себя разукрашиваются или для зрителей? – хотелось ему понять. Станут ли вот эти двое, оказавшись наедине, внимательно расшифровывать друг друга? Ничего не поделаешь, отстал ты от нынешней моды. Сёма со своей Дарьей, похоже, ею пока не увлеклись. А ведь раньше и татуировку можно было читать, как те же настенные надписи. У одного неплохого автора, помнится, персонаж философствовал на эту тему в общественной бане, показывая собеседнику мюющего мужчину. Без одежды и паспорта, говорил он, по одной татуировке можно узнать о нем все, вплоть до имени, возраста, биографии, склонностей и художественных вкусов. В книге колоритно описывалось: на кисти правой руки в лучах восходящего солнца линиялого цвета цифра, помнится, 1940, под ней имя, на левой — крест с другой датой и поясняющей надписью: «Спи отец». На одной ноге дерзкий девиз: «Все равно убегу», другая жаловалась за двоих: «Они устали». Да еще на каждом пальце обозначены перстни и кольца, на плечах погоны... много такого самому случалось увидеть. Или, скажем, у культового автора в песне: профиль вождя на груди. И вдобавок на спине что-то религиозное, целый собор – живопись в классическом стиле, не чета нынешним...

Дохнуло приторным парфюмом, внимание Максима переключилось. Две улыбчивых девушки несли перед собой белые плакаты с крупными надписями FREE HUGS, время от времени поворачивали его для встречных. Приблизившись к Максиму, показали и ему обратную сторону с переводом: БЕСПЛАТНЫЕ ОБЪЯТИЯ. Все проходили мимо, не задерживаясь. Максим все же запоздало опомнился, вернулся к девушкам, постарался обнять одну, другую. Получилось неловко. Надо было, наверно, еще и поцеловать каждую, он не решился. Сразу не сообразил, не успел хотя бы спросить, что означала их не совсем понятная акция. Девушки только улыбнулись, словно такого подтверждения им было достаточно, прошли, ни слова не сказав, дальше.

Выделяя для себя на ходу отдельных людей, Максим как-то не заметил, что народу на улице становилось все больше, причем почти все шли с ним теперь в одном направлении. Редкие встречные отступали к обочинам, остальным словно было с ним по пути. Слух настроился различать разговоры вокруг.

– Ты знаешь, что все хотят там увидеть? – спрашивала спутника женщина с легкой сумочкой на плече.

– Какие-то мощи, говорят, привезли, – отвечал мужчина в белой футболке с изображением желтого утенка на груди и надписью «Хватит!».

– Не мощи, вроде зародыш неизвестного существа, – поправлял другой.

– Похож на человеческого младенца, – вступил еще один.

– Кто-то сказал, настоящий инопланетянин.

– Я слышала, утром пришлось тут стоять два часа.

– Это вчера. Сейчас не меньше трех.

– И ведь пропустить нельзя. Раз в жизни можно увидеть.

– У какого-то бюста слезы, говорят, из глаз потекли.

– Думаешь, тоже здесь?

– По телевизору показывали.

– А верно, что женщинам туда нельзя в брюках? – интересовалась девушка в джинсах, она шла перед Максимом, одной рукой прикрывая попу, чтобы не допустить ниже руку спутника, обнимавшего ее за талию.

– Без платка тоже нельзя, – охотно добавила пожилая.

– Юбки перед воротами выдают, напрокат, – успокоила еще одна.

– Говорят, бесплатно.

– Одному знакомому достался там смартфон, позолоченный, с изображением Троицы. Перед таким, сказал, можно молиться. А материться, сказал, нельзя...

– Дойдем со всеми, увидим.

Идущие перегруппировались, взгляду предложила себя надпись на спине парня в ярко-красной майке: *«Нас никому не сбить с пути, Нам по фигу, куда идти»*. Тоже, считай, отклик, усмехнулся

Максим. Было жалко почти сразу утратить из вида скромницу в джинсах, прелестный голосок ее затерялся среди прочих. Не имело смысла вертеть головой, чтобы взглядом отмечать говорящих, оставалось только слушать, обновляя свое знание жизни.

– А вы читали? – обсуждали где-то левей. – По календарю майя на двадцатое декабря обещан конец света. Теща прислала нам свою местную «Правду», там все распечатано. Земле предстоит пройти через какое-то энергетическое завихрение, на сутки наступит полная темнота. Отключится электричество, вся электроника. Советуют заранее запастись, чем можно. Интеллигенты, как всегда, не сразу сообразили, а там, в райцентре, уже все исчезло, не стало крупы, соли, спичек...

– По телеку один депутат говорил: есть можно только русские продукты. Иностранцы отравлены неизвестно чем. На вкус как нормальные, но есть опасно.

– Телек будешь смотреть, кончишь в психушке.

– Почему кончишь, я два дня как оттуда.

– А что, в нашем подъезде трое на прошлой неделе вдруг умерли. Непонятно отчего, Одному еще пятидесяти не было, двум чуть больше. Почти одновременно.

– Как много ужасного! Что делать?

– Молиться надо, молиться, ё...твою...!

Максим ощутил, что начало слабо моросить. Некоторые к перемене погоды оказались готовы. На головах появились капюшоны, над головами зонты, от этого стало еще теснее. Ему прикрыться было нечем, и не хотелось. Прохлада легкой влаги освежала голову, шелест мороси по непромокаемой ткани мешался с густевшими голосами.

– Но я же ничего смотреть не собиралась, – жаловалась по соседству женщина. – Ты хоть понял, куда мы идем?

– Дойдем со всеми, пойдем, – философски успокаивал спутник. – Смотри, уже близко. Только держись за меня крепче, не отпускаяй. Разнесет, потом не найдем друг друга...

Максим поднял взгляд и увидел впереди высокий церковный купол. Монастырь! – только тут опомнился он. Был ведь предупрежден, ему следовало идти не туда. Общее движение направляла теперь металлическая ограда справа, она сдавливала толпу все тесней, не давая выбора. Вот ведь, не спохватился вовремя свернуть перед оградой,

упустил. Влекло сжатого между телами, внутри невнятного хора, обрывков, шумевших в мозгу:

– Не давите так... разве мы... это нас... тут они... понаехали... кто их звал... всех несет... всех... куда... всю страну... скажут там... всем дадут... ох... бесплатно... доберемся... там подышим... не давите... там свободней... за домами... звук мотора... вот за теми... на машине... это к заднему проходу... пропускают... кто свои... блатные ВИПы ... олигархи... перетак их... из начальства... их без очереди... гады... автомат бы... нет не надо... без войны... без революций... есть продукты... там подышим... не давите... кто кого... не сюда... есть путь... да... вот так...

16.

Не столько работа ума, сколько возбужденная инерция подсказала Максиму ухватиться за изгиб узора на ограде, задержаться, ступить на нижний завиток, тут же подняться повыше. Без мысли о возрасте, без затруднений, по растительным отросткам – хорошо, что оказались чугунными, держали, не прогибаясь, – еще выше. Подтверждалось состояние все того же беззаботного опьянения, когда видения не отличить от реальности, все кажется возможным. Легкость хмельного подъема или полета над чащей спутанных голосов, над головами уже где-то внизу, под ногами. Капнуло на черное белым птичьим пометом. Муха прожужжала у самого лица, едва не щекотнув, показала свой путь. Не надо было даже взбираться до самого верха, узор становился просторнее, можно было протиснуться между отростками и без сердцебиения, без одышки, не спрыгнуть – плавно снизиться в воздухе...

На земле Максим огляделся. Впереди высились ворота с ажурной металлической дугой наверху. Под воротами урчала машина с подъемной люлькой, монтажник в ней приваривал к дуге буквы названия. «НОВ» было начато слева, справа читалось уже готовое: «ПАМЯТИ».

Сюда, уверенно определил Максим. Перед входом стоял полицейский с серой овчаркой у ноги, посматривал на прохожих. Дорогу незачем было спрашивать, разве что приветливо поздороваться, может, потрепать по загривку симпатичного пса. Это была не более чем

нетрезвая мысль, но тот, словно почуяв намерение, сдержанно зарычал.

Полицейский поднял взгляд на Максима, потом на какую-то карточку или бумагу у себя в руке, сделал к нему шаг, козырнул:

– Попрошу ваши документы.

– Слушаюсь, товарищ генерал, – козырнул в ответ Максим.

– Повеселиться захотелось? – полицейский счел его выходку насмешкой. – Довеселимся...

– Нет, что вы! – поспешил тот поправиться, роясь в карманах.

– Строгое место, понимаю, на кладбище так просто нельзя. У меня документы как раз сегодня украли... вот, только старая визитная карточка.

Страж порядка посмотрел опять на бумагу в руке, перевел взгляд на Максима.

– Пройдемте сейчас со мной. – И добавил кому-то в переговорное устройство: – Он уже здесь.

– А в чем дело? Вы тут что-то высматриваете, хотите найти? – все еще беззаботно поинтересовался задержанный.

– Наркотики, – ответил коротко тот.

– А-а, – Максим демонстративно развел руки. – Это ищите, пожалуйста. No problems, как говорят у нас в Америке. У меня с собой ничего нет.

– Не с собой, так в себе. Вот, пришла ориентировочка. – Полицейский, повернув, показал Максиму поближе то, что держал у себя в руке. Тот увидел свою черно-белую фотографию, лицо с идиотской улыбкой во весь рот.

Вдруг не просто дошло – взорвалось понимание, от которого помутилось в мозгу.

– Это он... он вам сюда переслал! Я знаю, кто... шарлатан... провокатор!.. – Вслух ли он это выкрикивал, вспоминал ли слова про себя? Голос срывался. Собака заворчала и напряглась, угрожающе натягивая поводок.

– Пойдете сами или повести? – служитель закона потянулся к кожаной сумке у бедра – не наручники ли в ней были?

В голове Максима нарастала сумятица. Ты не просто охмелел, говорил он себе, в этой слезе фокусника наверняка что-то намешано... собака могла почуять... И ведь найдут... наркотики найдут... что тогда? Адвоката... вызвать... потребовать... вспоминал бессмысленно.

Вдруг останавливался, начинал твердить, что никуда его вести не надо... я все сам объясню... и через слово повторял: провокация... Собака напрягалась, полицейский за спиной вначале поощрял Максима идти легкими тычками, тот, почти не соображая, останавливался. В конце концов пришлось все-таки выставить перед собой руки, сдвинув, как видел в кино или во сне, чтобы на них надели наручники...

Временами сознание у него, похоже, совсем отключалось. Идти пришлось, наверно, недалеко. Максим обнаружил себя уже в помещении. Одна из стен была выложена белым кафелем, на скамье вдоль нее сидели несколько человек. У двоих на склоненные головы были надвинуты капюшоны, один, вконец одуревший, мотал головой и говорил что-то бессвязное, пуская изо рта слюни.

Посреди комнаты располагался стол с лампой на высоком штативе и аппаратом для связи. Полицейский подвел Максима к столу, показал ему, куда сесть. Браслет наручника со своей руки снял, закрепил его на скобе, сам устроился напротив. Поднял переговорную трубку, стал говорить в нее: «Привел... Здесь... Слушаюсь...». Потом пододвинул к себе бумагу, начал ее заполнять.

Максим почему-то все искал взглядом собаку... была же вот тут овчарка... Вместо нее у двери стоял здоровенный амбал в камуфляже без знаков отличия. Будут теперь искать... брать анализ... крови... мочи..., – все так же вертелось в уме. – И ведь найдут... дурь неизвестно какую... в этой слезе могут найти все что угодно... Как же им все-таки объяснить...

– Не надо писать ничего... послушайте..., – продолжал он беспорядочно говорить. – Я сам все вам объясню... недоразумение... провокация... подставили, как у вас называется. Я кандидат наук, пишу для прессы... мое имя известно...

Человек сидевший понуро у кафельной стены, поднял голову, убрал с лица капюшон. Это был Сёма.

– А ты здесь почему? – ахнул Максим от неожиданности.

– Знакомы? – заинтересовался полицейский, оторвавшись от бумаг.

– За что он? – спросил Максим.

– Пусть сам скажет.

– За что ты? – повторил он вопрос.

– Вандализм, – кривовато усмехнулся тот. – Порча памятников.

– Не понимаю, – у Максима еще не соединилось в мозгу.

– Да уже разобрались, – добродушно успокоил дежурный. – Ждем, пока приедет отец, отпустим.

– Так я уже здесь, – обрадовался Максим простоте решения. – Вот же я, отец. Отпустите нас обоих, я его отвезу домой.

– Это что еще? – Полицейский опять поднял аппарат, прикрыл его рукой, стал говорить вполголоса: – Командир, тут такое... этот, с наркотиками, говорит, что он отец... да, который за вандализм... Нет, паспорта при нем нет... Фамилия?... Понял ... Отец будет минут через десять, – положив трубку, обратился опять к Максиму. – Начальник его лично знает, только что с ним говорил...

– Вы сами сейчас парня спросите. А ты что молчишь, Сёма? О тебе говорят. Онемел? Скажи, кто твой отец? Ну? – он пытался встретиться взгляд сына.

Тот молчал, опустив голову. Полицейский усмехнулся, потом неожиданно включил яркий светильник, направил болезненный свет прямо в глаза Максиму.

– Начнем пока разбираться, – стал он поднимать лампу на раздвижном штативе.

Что еще за дьявольщина, – растерянно соображал Максим. – Этот негодяй... мерзавец... успел мальчику что-то наговорить, внушить... нельзя же... И еще этот свет в глаза... тут что-то хотят со мной сделать... Да, вспомнилось вдруг, есть ведь еще мобильник в кармане. Если еще не сдох, сейчас же позвонить Аде... незаметно, пока этот тип занят электричеством...

Ему удалось извлечь мобильник свободной рукой, вслепую, пальцем кликнуть уже введенный в прошлый раз вызов. Отвернувшись, насколько позволяла цепь наручника, поднес его ко рту.

– Ада, я в полиции..., – только успел сказать приглушенно.

– На допросе еще и телефон, бл...! – выматерился полицейский. Быстро перегнувшись через стол, он выбил из руки Максима коробочку на пол. – Я тебе устрою переговоры!

– Не трогайте его! – Сёма кинулся было поднять мобильник. Амбал у дверей успел схватить его за капюшон. Максим, окончательно теряя контроль над собой, с силой дернул свою цепь. И тут же свет

для него пошатнулся вместе с высокой лампой. Это было последнее, что он успел осознать.

Провалился неизвестно куда – и неизвестно когда вернулся, увидев над своим лицом голубую медицинскую маску.

«Где я?» – беззвучно спросил, уже почти готовый понять.

«Открыл глаза. Уже в порядке», прозвучал знакомый голос.

«Почему здесь вы?» – он начинал постепенно соображать.

«Обо всем расскажут потом».

«Чувство, будто я уже знаю. Считайте, догадываюсь. Вас оставили посмотреть за мной, пока не приду в себя. По специальности. А что со мной было?»

«И медицинские подробности не сейчас».

«Состояние, когда я по-особому соображаю, могу понимать, вспоминать... Голос знакомый, а звучит для меня то и дело по-разному. Я ведь уже пробовал вообразить, понять, что он может значить для этого... твоего шефа... Да, не успел спросить хотя бы, как тебя зовут.

«Я этого не знаю».

«Как это не знаешь?.. Если можно, буду на ты, мне так проще.»

«Он мне еще не сказал».

«Мне такое уже приходило на ум. После катастрофы ты забыла совсем, кто такая. Лежала с забинтованным лицом. Могла только говорить, отвечать на вопросы. Он оставил тебя у себя из-за твоего голоса.»

«Да. Сказал, что он удивительно напоминает ему голос одной женщины. Хотел сделать меня похожей на нее».

«Так примерно и у меня работала мысль. Фантазия по мотивам знаменитого фильма. Способность методом хирургии создать для своих надобностей двойника. У него пока не совсем получилось. А ты живешь с ним? В смысле: по-настоящему?»

«Не знаю».

«И этого не знаешь?»

«Не знаю, как это назвать. Я, может, еще не совсем жила. Ни с кем не жила. Но хочу... буду жить только с ним. С ним я стану собой. Не уступлю его никакой другой»...

«А... ты имеешь в виду...»

«За нее можете быть спокойны. Мы с ней только что все обсудили. Ему было ясно сказано... пусть забудет свои умственные построения. Он уже убедился... исчез... все.. его для нас больше нет... никого, только мы с тобой... садись еще поудобней... эй... ты опять смотришь не на меня...»

О чем она? – Максим с усилием все старался очнуться. Кто это? Голос тот самый... Дежурство закончилось, маска уже не нужна...

18

– Можешь немного повернуть голову?.. Ну вот, слава богу, осмысленный взгляд.

Максим обнаружил, что полулежит на переднем сиденье машины, за рулем сидит Ада. Навстречу пронеслись огни ночного города.

– Смотришь перед собой уже минут пять, я к тебе обращаюсь, а ты с кем-то выясняешь свои отношения, бормочешь не понять что. Окончательно пришел в себя?

– Ты сейчас говоришь вслух? Видимо, да. Мне вслух пока трудно.

– Разобрать уже можно. Не напрягайся, посиди, как сидится. Важно, что понимаешь. После твоего звонка из какой-то полиции я тут сходила с ума, гадала, что с тобой. Ждала, что ты возникнешь снова. Вместо тебя позвонила непонятная женщина, сказала, что ты в этом заведении натворил что-то опасное, до такой степени напился... Ну да, ассистентка, та самая, это ведь с ней ты сейчас любезничал? Она мне кое-что объяснила. Насколько я поняла, тебя там ударило электрическим током, да так сильно, что сердце на время перестало работать, остановилось дыхание. Они сами в этой полиции всполошились, не знали, что делать. Уже поняли, что ты не совсем случайный бомж с улицы, могут возникнуть проблемы. Своих врачей на месте у них не было. А надо было спешить, это до них дошло. И тут в самый

раз подоспел уже знаешь кто, взялся помочь. С незнакомым, глядишь, не рискнули бы. А его там не просто знали, он с их начальством контактировал, имел там влияние.

Сам навел их на меня, добавил про себя Максим.

– Не только влияние, – продолжила его мысль Ада. – И компромат, думаю, на кого-то имел, это из его арсенала. Пообещал сделать так, что обойдется без шума. Эта ассистентка, или как ее, подробностей не стала рассказывать, только сказала, что за тобой уже можно приехать, объяснила, куда. Шеф оставил ее присматривать за тобой, пока требовалось, а сам поспешил умотать, еще до моего приезда. Заказал ей билет, оставил деньги, чтобы она кое-что доделала. А она в него, я поняла, не просто влюблена, не может жить без него, боится, как бы он ее не бросил. И представь себе, ревновала его ко мне. Вообразила, что он приехал сюда, чтобы меня забрать, уговаривала не соглашаться. Я велела ему передать, чтобы со мной он никаких планов не связывал. Для меня он как был, так и остался Кейн, никто. И почувствовала, что она очень этим довольна. Сказала: он операцию сделал успешно, ему ничего здесь больше не нужно. До меня ее слова не дошли, пока я сама не увидела.

– Что? – не понял Максим.

– Ты ничего не чувствуешь? – ответила Ада не сразу: впереди неожиданно затормозила машина, пришлось осторожно объезжать. – Посмотри на свою ладонь, левую.

Максим неловко высвободил из-под себя руку, поднял ладонь, ничего не увидел, пока встречный фонарь не осветил на ней белый пластырь величиной с крупную почтовую марку. И лишь тут ощутил под ним как бы мешающую царапину.

– Он там сделал надрез, чтобы привести тебя в чувство, – пояснила Ада, не дожидаясь вопроса. – Ты, по ее словам, был в коме, по-настоящему, дело не шуточное. И ведь получилось, что об этом ни думать.

– Ты имеешь в виду... то есть, ты готова поверить в эту его давнюю чушь? – все еще не мог подключиться Максим. – Мы ведь все уже обсуждали.

– Не знаю, теперь снова не знаю. Наверное, чушь, обман. Как и политика, идеология, религия. Мы это обсуждали, да. Но ведь действует. Во всем действует, не первый раз пришлось убедиться. Он и меня пробовал удержать похожими способами. Однажды стал уверять,

что у меня детей быть не может, по руке это вычислил. Чтобы освободиться, мне надо было встретить тебя. Может, сделал что-то еще, другое. А теперь опять, как говорится, слинял, до конца захотел оставаться непонятым, неизвестным.

Вот ведь, ничего на самом деле не прояснилось, наоборот, мучительно соображал Максим, думай, что хочешь. О чем-то еще все хотелось ее спросить?..

– Да, – спохватился он, – а где Сёма?

– Мальчика еще до моего приезда увезла его Дарья, успели и ее подключить. Она мне время назад звонила. Сказала, что Сёма пока останется у нее, есть нужная комната. С родителями согласовала. Что он, представь, хочет на ней жениться, возраст позволяет. Только для этого ему сначала надо будет креститься.

Со своими согласовала, усмехнулся Максим, с нами обоим было необязательно.

– Нас, думаю, еще ждут сюрпризы, – продолжила Ада. – Узнаем, с кем нам предстоит породниться... Да, эта Дарья не забыла оставить для меня письмо, которое получил Сёма. Там, как я и думала, было про моего папу, его дедушку. Этот мастер интриги много лет держал отца на крючке, а через него меня. Мне папа никогда ничего о себе не рассказывал. А тот узнал или вычислил, что он был не просто сотрудник органов. Расстрельщик, или как это называется. Я сама почти догадывалась. Но он откуда-то узнал подробности, от кого-то, а может, отец проговорился. В конверт была вложена печатная вырезка. Там описывалось, как ведут человека расстреливать, руки связаны сзади проволокой. А расстрельщик с наганом за ним, пока не выведет к месту, где заготовлены опилки или песок. И там ему стреляет в затылок. Как эти расстрельщики потом одеколоном мылись, до пояса. Иначе не избавиться было от запаха крови и пороха. Даже собаки от этих людей шарахались, и если лаяли, то издали. Ты хотел бы оказаться потомком этого человека? – так он под конец приписал.

Можно понять, для чего он это делал, – думал Максим. Чтобы получить над нашим сыном то, что он называет властью, духовной. Оторвать от семьи. От меня. Способ победить соперника. Объяснил, где можно теперь увидеть памятник деду. Представляю, что в мальчишке всколыхнулось. Как он помчался на кладбище, захватил какую-то черную краску, нашел этот памятник и размашисто на нем написал: «Палач»...

Он продолжал смотреть, как несутся навстречу все те же, преобразенные светом улицы, увиденные недавно и ставшие неузнаваемыми дома, впервые возникшие вывески. Возвращаешься к тому же себе, туда, где оставил что-то все еще не проясненное, не найденное? – думал дремотно. Больше стало понимания или непонимания? Чувство, словно приоткрылось измерение, где попытка подмены, имитации, называй ее внушение или гипноз, бессильна перед несомненной любовью. Не мысль о чем-то – мысль чем-то. Может быть, всем тем, что и окажется жизнью. Предстоит еще протрезветь. И не скажешь, что запоздало. Пока жив, пока не боишься мыслить, ничто не поздно. Додумаешь заново недодуманное, как где-то неизвестный тебе сочинитель досматривает сейчас твои сны, дописывает за тебя недописанное.